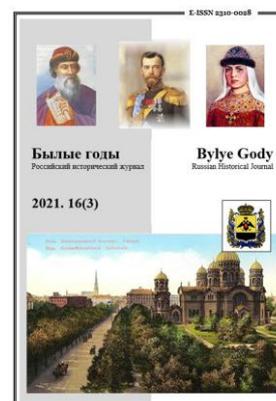

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1277-1287
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1277
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of System of Fishing Fees from Industry and Trade in the Central Asian Outskirts of the Russian Empire

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}, Oksana I. Chekryzhova ^a

^a Altai State University, Russian Federation

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article reconstructs the process of forming a system of fishing fees from industry and trade in the Central Asian outskirts of the Russian Empire – the Steppe and Turkestan governorships, on the basis of legislative and clerical sources. The introduction of taxation on trade and business in this ethno-region in the second half of the 19th century was carried out in line with the policy of unification of its financial and tax space and bringing it to all-Russian standards. However, in practice, the implementation of the tax reform has acquired specific features. In particular, from the late 60s to the middle of 80s of the XIX century in Turkestan, the Russian model of tax collection on trades and trade was combined with the traditional *zyaket* system that operated in the region prior to its accession to the Russian Empire. In the Central Asian outskirts, the 1885 Regulations on imposing an additional tax on commercial and industrial enterprises, which legally determined an additional tax on the profits of commercial and industrial enterprises, were not enacted. The situation was explained by the incompleteness of the formation of regional financial bodies in the Steppe and Turkestan general-governorships, the ethno-confessional specifics of the region, its focus on agrarian modernization associated with peasant resettlement and excluding high rates of development of the industrial sector of the economy. The main income to the Russian treasury came from the sale of fishing certificates for the right to conduct trade operations. However, these fees were extremely insignificant, which was associated with the predominance of distribution (steppe) and bazaar trade and the actual impossibility of its accounting by tax inspectorates.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Turkestan region, modernization, fishing tax, trade, industry.

1. Введение

Во второй половине XIX в. в Российской империи был осуществлен ряд реформ, связанных с трансформацией и совершенствованием системы налогообложения. В русле реформ было введено Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г., которым впервые в стране налоговые отчисления вводились не только на торговые, но и на промышленные предприятия. Центральной идеей Положения стали градация всех облагаемых объектов торговли и промышленности на разряды (по множеству признаков, главным из которых выступали обороты торгового или промышленного предприятия) и присвоение каждому разряду фиксированного размера налога (Гагусенко, 2014). По своей структуре налог делился на основной и дополнительный¹.

* Corresponding author

E-mail address: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko), niigi@yandex.ru (O.I. Chekryzhova)

¹ Основной налог относился к числу окладных, при котором сумма для каждого налогоплательщика определялась предварительно и была фиксированной. Налог собирался посредством оплаты промысловых свидетельств, разрешающих тот или иной вид предпринимательской деятельности. В

Реформирование системы налогообложения в Российской империи, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, влекло за собой необходимость модернизации работы финансовых органов. В регионах Казенные палаты стали осуществлять распределение между отдельными податными участками назначавшиеся на губернии суммы дополнительного промыслового сбора. После утверждения раскладки палата рассылала плательщикам специальные окладные листы, где указывалась сумма, подлежащая уплате. В штате Казенных палат были введены новые должности податных инспекторов. Выполняя функции специальных финансовых агентов, они обязывались в интересах государственной казны осуществлять надзор по взысканию промысловых сборов (Гагусенко, 2011: 7).

Введение налогообложения на торгово-предпринимательскую деятельность в центральноазиатских окраинах России во второй половине XIX в. осуществлялось в русле общей политики, направленной на интеграцию региона в общеимперское финансово-налоговое пространство. Однако на практике реализация данной налоговой реформы приобрела специфические черты. Это объяснялось незавершенностью формирования региональных финансовых органов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, этноконфессиональной спецификой региона, ориентацией его на аграрную модернизацию, связанную с крестьянским переселением и исключавшую высокие темпы развития промышленного сектора экономики (Лысенко, 2019; Lysenko, 2020).

2. Материалы и методы

В статье использовались разноплановые по происхождению источники. Прежде всего, это нормативно-правовые акты, отражающие эволюцию системы налогообложения предпринимателей, промышленников и торговцев центральноазиатского региона Российской империи, а также регламентирующие деятельность налоговых органов – казенных палат, податных инспекций и податных инспекторов. Среди данной группы источников Временное положение об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1867 г., Временное положение об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами 1868 г., Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., Правила о взимании в туземной части г. Ташкента взамен закята общеустановленных пошлин 1870 г., закон «О дополнительном обложении промышленных и торговых предприятий сборами процентным и раскладочным» 1885 г., Положение о государственном промысловом налоге 1898 г.

В статье также использовались материалы делопроизводства региональных налоговых органов. Они представлены отчетами податных инспекторов, отчетами ревизии податных инспекций Степного и Туркестанского генерал-губернаторств (Сибирские переселения..., 2010). Кроме этого, привлекались материалы сенаторской ревизии К.К. Палена Туркестанского генерал-губернаторства (1908 г.), отложившиеся в фонде 1396 РГИА (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428). Данная группа источников позволяет сформировать представление об экономических процессах в центральноазиатских окраинах Российской империи, тенденциях развития предпринимательской деятельности, льготах, предоставленных населению региона в выплате промыслового налога, и проблемах, с которыми сталкивались фискальные органы при его сборе.

Ценным статистическим источником при подготовке статьи выступили Обзоры областей Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, которые формировались как приложения к ежегодным всеподданнейшим отчетам военных губернаторов областей. Специальный их раздел, посвященный анализу ситуации в системе налоговых поступлений, позволяет выявить численность торговцев, промышленников и предпринимателей, категории и суммы промыслового сбора в областном и уездном срезе.

рамках основного налога выдавались промысловые свидетельства, свидетельства торговым предприятиям (делившимся на 4 разряда), промышленным предприятиям (делившимся на 8 разрядов); осуществлялся налоговый сбор за выдачу гильдейских свидетельств. Дополнительный налог был введен в конце XIX в. на основании Правил об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и окладочным) 1885 г. и Положения о государственном промысловом налоге 1898 г. Сохраняя продажу свидетельств, санкционировавшую определенный вид предпринимательской деятельности, государство ввело дополнительные сборы, зависящие от прибыли в виде подоходной системы налогообложения. К их числу были отнесены: налог с капитала для предприятий (акционерных обществ и компаний), обязанных публичной отчетностью; процентный сбор с прибыли для предприятий, обязанных публичной отчетностью; дополнительный раскладочный сбор для предприятий, не обязанных публичной отчетностью; дополнительный процентный сбор с прибыли для предприятий, не обязанных публичной отчетностью. Подробнее см.: Гагусенко И.В. Правовой статус органов промысловых сборов в России во второй половине XIX в. // Сибирский юридический вестник. 2011. С. 3-9.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, которая дает возможность рассматривать формирование и развитие системы налогообложения предпринимательской деятельности в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах как один из аспектов региональных социально-экономических преобразований. Для реализации задач исследования применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Историография проблемы формирования и эволюции системы налогообложения в Российской империи достаточно обширна и разнообразна. Исследователи акцентировали внимание на формировании налоговой системы России, ее эволюции и нормативно-правовом регулировании. Значительное количество работ посвящено анализу объектов и форм налогообложения, механизмов взимания налогов, их функциям (Белых, 2005; Вербина, 2010, Иванов, 2004; Лыкова, 2004; Правилова, 2006). Отдельные работы связаны с историей налоговых органов Российской империи, законодательным регулированием их деятельности (Гагусенко, 2011; Макеева, 2010).

Истории промыслового налога и региональному срезу уделяли внимание И.В. Гагусенко, А.К. Кириллов, Ф.С. Уманский (Гагусенко, 2011; Кириллов, 2011; Уманский, 2005). Ряд исследователей считает, что промысловый налог являлся «малым/дополнительным налогом», поскольку в силу своего незначительного фискального значения не приносил существенного дохода в казну. Тем не менее Ф.С. Уманский подчеркивает, что на уровне региональных финансовых отношений, он был крайне важен с точки зрения регулирования микроэкономических региональных процессов и «влият на поведение экономических субъектов» (Уманский, 2005: 66).

Применительно к центральноазиатским окраинам Российской империи специальных исследований, связанных с историей промыслового налога, особенностями его введения, механизмами сбора с учетом этноконфессиональной специфики региона, не проводилось. Данная статья представляет собой попытку восполнить существующий историографический пробел.

4. Результаты

Формирование системы промысловых сборов с промышленности и торговли было санкционировано в 1863 г. в связи с введением в действие Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. В этот период завершалось присоединение центральноазиатских окраин – Степного и Туркестанского генерал-губернаторств – к Российской империи и разрабатывался пакет реформ, направленный на унификацию административно-управленческого, судебно-правового, социально-экономического, финансов-налогового пространства региона и приведение его к общероссийским управленческим стандартам (Васильев, 2018).

Работа завершилась принятием Временного положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством (1867 г.) и Временного положения об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями (1868 г.), на основании которых в регионе впервые вводилось взимание общеимперских сборов с торгово-предпринимательской деятельности. Однако авторы реформ учитывали слабую интегрированность центральноазиатских окраин в общеимперскую экономику, господство традиционных форм ведения хозяйства и абсолютное преобладание коренного мусульманского населения. На основании этого внедрение в практику Положения о пошлинах на право торговли и других промыслов 1863 г. приняло здесь специфические формы.

В частности, в Туркестанском генерал-губернаторстве действие Положения 1863 г. было распространено лишь на два северных уезда Сырдарьинской области и на всю Семиреченскую область. В остальных уездах Сырдарьинской области была сохранена закятная система – традиционная система сбора налогов с торговцев и промысловиков в пользу местных правителей, существовавшая в регионе до его включения в состав Российской империи. При этом российские власти оставили без изменений закятный сбор двух видов: первый – действовал в отношении внутренней торговли и промышленности, объектом обложения выступал капитал в более 40 тиллей; второй – распространялся на внешних азиатских торговцев, приезжавших из Бухарского эмирата и Хивинского ханства в пределы Российского Туркестана. Объектом обложения в данном случае выступал товар, который ввозился ими в города Сырдарьинской и Семиреченской областей (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 150б.).

Для бесперебойного поступления закята в российскую казну по Положению 1867 г. в структуре административных органов Туркестанского генерал-губернаторства были сформированы хозяйственные общественные управления, которые были обязаны собирать с торговцев и промысловиков информацию о размере обращавшегося капитала или о стоимости ввезенного ими товара в регион, проверять поступающие сведения «всеми зависящими от них средствами». На основании полученных данных они начисляли размер закята как по каждому отдельному предприятию, так и по всему населенному пункту. И затем отслеживали своевременность выплаты налога. Для того чтобы торговцы и промысловики указывали точные данные о размерах продаваемого товара и об оборотных средствах предприятий, вводилась система штрафов. За плодотворный труд служащие хозяйственных общественных управлений получали

вознаграждение в виде процентного отчисления, составлявшего 5–10 % от общей суммы поступлений (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 19).

Очевидно, что сочетание традиционной и имперской моделей взимания торговых и промысловых пошлин было крайне непродуктивно, вызывало массу неудобств и недоразумений. Все осложнялось тем, что в Туркестане еще не было завершено формирование налоговых органов, не был проведен учет торговых и промышленных предприятий, не установлены размеры их оборотов. Местные предприниматели всячески саботировали российскую налоговую систему, занижали обороты своих капиталов, «разделяя крупные предприятия на ряд мелких, вверяя их своим подручным». На основании этого они получали возможность подавать ходатайства об отмене закята (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107). Несмотря на ряд инструкций локального характера, принятых региональными властями с целью упорядочения промыслового сбора, ситуация не менялась: поступления в казну оставались крайне незначительными. Суммы ежегодных поступлений от закята также носили неравномерный характер. Так, в 1867 г. он составил 43 444 руб., в 1868 г. – 92 019 руб., в 1869 г. – 69 712 руб. Все это требовало от властей дальнейших шагов в сторону унификации торговых и промысловых сборов (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107).

В 1870 г. Туркестанская казенная палата приступила к разработке проекта Правил о взимании в туземной части г. Ташкента взамен закята общеустановленных пошлин. По итогам работы специальной комиссии в 1874 г. Комитетом министров было утверждено Положение о пошлинах на право торговли и промыслов, отменившее закят в Сырдарьинской области. Однако следует отметить, что на территории Ферганской и Самаркандской областей, присоединенных к Туркестанскому генерал-губернаторству во второй половине 70-х гг. XIX в., закятная система продолжала функционировать до 1885 г. С российских купцов и местных торговцев 1-й гильдии собирался общеустановленный имперский промысловый налог, с приезжих туземных купцов 2 гильдии – закятный сбор (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107об.).

В 1885 г. в России были приняты Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и окладочным), на основе которых был введен дополнительный налог на предпринимательскую деятельность. Владельцы предприятий обязывались ежегодно отчитываться о своих доходах и выплачивать дополнительный налог 25 % на официальную прибыль (Сибирские переселения..., 2010: 160).

В Степном крае, как и в Сибири, дополнительный раскладочный сбор не был введен. Вместо него законодатель заменил его 25-процентной надбавкой к основному промысловому свидетельству. Это было связано с тем, что в условиях полукочевого образа жизни коренного казахского населения, составлявшего большинство населения региона, учет «кочевой торговли» и ее доходов был фактически невозможен. По мнению региональных податных инспекторов, данное обстоятельство значительно снижало возможность повышения доходов бюджета, а также эффективность деятельности налоговых инспекторов, которая сводилась «к просмотру документов в торгово-промышленных заведениях и составлению в надлежащих случаях протоколов» (Сибирские переселения..., 2010: 217). В Туркестане дополнительный налог 25 % на официальную прибыль торговых и промышленных предприятий был введен после принятия Положения о государственном промысловом налоге 1898 г.

Контроль за раскладкой и сбором промыслового налога был возложен на Омскую и Туркестанскую казенные палаты, созданные при них областные податные присутствия и службы податных инспекторов. Территория Степного и Туркестанского генерал-губернаторств была разбита на податные участки, которые соответствовали уездному и областному административно-территориальному делению. Благодаря отчетности податных инспекций, можно выявить проблемы, которые сопутствовали сбору промыслового налога.

Так, в областях Степного края главная проблема для податных инспекторов сводилась к определению юридического статуса торговцев-казахов. По их оценке, оседлая лавочная торговля «была обложена вполне правильно». Но, наряду с ней, существовала «не менее обширная степная торговля, которая в ущерб лавочной развивается, оставаясь совершенно вне контроля податного надзора». Степных торговцев инспекторы делили на несколько категорий: альпсатаров – «перекупщиков» (занимались скупкой товаров или скота в виде промысла), саудагеров (кочующих торговцев, водивших за собой несколько верблюдов, нагруженных товаром), баккалчи (отличались от саудагеров объемом развозимого товара, как правило, они водили за собой не более одного груженого товаром осла или лошадь). Установить контроль за деятельностью и тем более обязать степных торговцев приобретать промысловые свидетельства являлось невозможно задачей для податных инспекций. В начале XX в. в Казахской степи в связи с развитием предприятий добывающей промышленности появились так называемые приисковые лавки. Они создавались для обслуживания приисковых рабочих и нормировались особыми таксами на торговую деятельность. Однако на практике приисковые лавки, освобожденные от промыслового сбора, вели торговлю и среди коренного казахского и крестьянского переселенческого населения, обслуживая целые волости (Сибирские переселения..., 2010: 217-218).

Как отмечал в своем отчете о ревизии податной инспекции Акмолинской и Семипалатинской областей податной ревизор Д.Л. Киреевский в 1902 г., «торговля и промыслы, падая в оседлых поселениях, и взамен того расплываясь по степному краю, постепенно ускользают от надзора правительственных органов, которым при нынешних условиях, безусловно, не под силу бороться с этим явлением». Ревизор констатировал, что, несмотря на оживленную деятельность большинства податных инспекторов «в деле наблюдения за правильностью производства торговли и промыслов, суммы пошлин, выручаемых за промысловые свидетельства, повсеместно из года в год падают». Исключение составлял Омский податный участок Акмолинской области, рост налоговых поступлений которого от предпринимательской деятельности Д.Л. Киреевский объяснял ростом численности населения г. Омска ([Сибирские переселения..., 2010: 219](#)).

Аналогичная ситуация складывалась и в Туркестане. Сбор налогов с торговой и промысловой деятельности был затруднен преобладанием так называемой базарной и степной торговли, «определение которых не могло быть подведено без некоторой натяжки ни под один из видов предусмотренной законом торговли». В 1899 г. Туркестанская казенная палата отнесла базарную и развозную/степную торговлю к категории постоянных ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 109](#)). Однако торговцы отказывались приобретать ежегодно промысловые билеты, в связи с чем податным инспекторам было делегировано право составлять протоколы о невыплате налога тем или иным лицом на месте и сразу указывать в нем размер штрафа ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 109](#)).

Эффект от составления протоколов, фиксирующих нарушения законодательства в области предпринимательской деятельности, был крайне низким. Этому способствовал ряд обстоятельств, связанных с бюрократическими проволочками. Так, например, при составлении перечня предприятий того или иного податного участка податные инспекторы по должностной инструкции должны были указывать их местонахождение – название улиц, кварталов, караван-сараяв, базаров, базарных рядов и площадей, номера жилых строений и т. д. Однако выполнение этих требований было весьма проблематично «даже в русских частях городов Туркестана, не говоря об их туземной части» ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 115об.](#)). Податные инспекторы в своих отчетах отмечали, что в базарных рядах туземных селений выявить владельцев торговых помещений не представлялось возможным: «торговцы пользовались ими по обычаю, или бесплатно, или внося за это добровольные пожертвования в пользу какого-либо медресе». Среди коренных жителей типичной являлась практика субаренды оброчных статей и частных недвижимых имуществ. Большинство таких договоров заключалось традиционно «словесным соглашением», не имело подтверждающего документа, «причем стороны меньше всего интересовались точным установлением знаний фамилий, названий улиц, номеров домов». В результате в реестр налогооблагаемых предприятий, по оценке податных инспекторов, включалось не более 50 % от их общей численности. Все остальные предприятия Туркестанская казенная палата записывала в так называемые дополнительные журналы проверки, «независимо от того, будут ли они проверены дополнительно или нет» ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 115](#)).

Протоколы о нарушении правил о государственном промысловом налоге податные инспекторы довольно часто составляли «на местности, часто сидя верхом на лошади, в седле, или просто на каком-либо возвышении». Казенная палата такие договоры не принимала, считая, что они оформлены небрежно, и возвращая их на переписку. Все это вынуждало податных инспекторов «уклоняться от составления протоколов совсем или, что еще хуже, составлять их не на месте обнаружения нарушений, а в обстановке, более благоприятной канцелярской работе, с излишним стеснением лиц торгующих и свидетелей» ([РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 428. Л. 107](#)). По данным Омской казенной палаты, в 1899 г. из общей численности протоколов о нарушении промыслового сбора, составленных податными инспекторами, 28,2 % были возвращены на доработку или переписку из-за небрежности. В 1900 г. эта цифра составила 22,3 %, в 1901 г. – 26,3 % ([Сибирские переселения..., 2010: 221](#)).

Принятые Казенной палатой в делопроизводство протоколы о нарушении промыслового сбора часто оставались «без последствий». Так, в Омскую казенную палату в 1899 г. поступило 110 протоколов на лиц, не заплативших налог. В отношении 20,9 % от этой численности нарушителей не было предпринято никаких разбирательств и наказаний в рамках действующего законодательства. В 1900 г. эта цифра составила 12,7 %, в 1901 г. – 49,8 % ([Сибирские переселения..., 2010: 221](#)).

Возвращаясь к Правилам об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором 1885 г., отметим, что финансовые органы Степного и Туркестанского генерал-губернаторств на рубеже XIX–XX вв. неоднократно поднимали вопрос о целесообразности его введения в крае. Так, на 2-м съезде податных инспекторов Омской казенной палаты в декабре 1896 г. было вынесено заключение, что «торговля Степного края в настоящее время достаточно окрепла и не нуждается в льготах». Омская казенная палата несколько раз направляла в Министерство финансов свои аргументы в пользу положительного решения данной ситуации. В 1905 г. податной ревизор Д.Л. Киреевский после ревизии Тобольской губернии отмечал что «ежегодно по несколько торгово-промышленных фирм переносят свои действия из Тобольской губернии в ближайшие к ней местности Акмолинской области, с явной целью уклониться от уплаты дополнительного промыслового налога. За последнее время в этом отношении особенно отличились

заграничные конторы по экспорту масла, большинство которых постепенно ушло из Кургана, преимущественно в Омск и Петропавловск» (Кириллов, 2011: 74).

Тем не менее Департаменты окладных сборов и торговли и мануфактур занимали выжидательную позицию. В 1907 г., к моменту подготовки новой редакции Положения о промышленном налоге, они запросили мнение Омской казенной палаты о целесообразности введения на всей территории Степного края дополнительного промышленного сбора. Она свою позицию подтвердила, заключив, что налог в Степном крае вводить необходимо. Главным аргументом в пользу данного заключения, по мнению налоговиков, выступал рост численности в крае предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности, что могло обеспечить существенное увеличение налоговых поступлений от промышленного сбора (Кириллов, 2011: 74). И только осенью 1914 г., после начала мировой войны и обострения бюджетных трудностей, данный вопрос был решен положительно. Начиная с 1915 г., дополнительный промышленный налог был введен и в Степном крае, и Туркестане. Свое решение Министерство финансов подкрепляло данными о том, что массовый переход казахов-кочевников на оседлый образ жизни привел к изменению форм торговли и она в большей степени приобрела характер стационарной. Отмечалось также и активное развитие строительства транспортных коммуникаций, что способствовало формированию в Акмолинской и Семипалатинской областях «целого ряда новых торгово-промышленных центров» (Кириллов, 2011: 74).

Виды промышленных свидетельств, которые приобретали предприниматели в качестве налога, отражали структуру экономики центральноазиатских окраин Российской империи. Преобладающими являлись свидетельства, выдаваемые для ведения торговых операций. В промышленном секторе господствовали предприятия по добыче и переработке продукции. Так, в Семипалатинской области, по данным Омской казенной палаты, в 1910 г. промышленные свидетельства предоставлялись для разработки месторождений золота, в Акмолинской области – месторождений каменного угля и соледобычи, в Туркестане – хлопкоперерабатывающих предприятий и добычи нефти.

В целом объемы налоговых поступлений от промышленного сбора по областям Степного края и Туркестана представлены в Рис. 1–7¹.

Рис. 1. Промышленный сбор Семиреченской области за 1885–1901 гг.

¹ Составлено по ежегодным Обзорам Уральской, Тургайской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыдарьинской, Ферганской, Самаркандской областей за 1885–1915 гг.

Рис. 2. Промысловый сбор Сырдарьинской области за 1889–1910 гг.

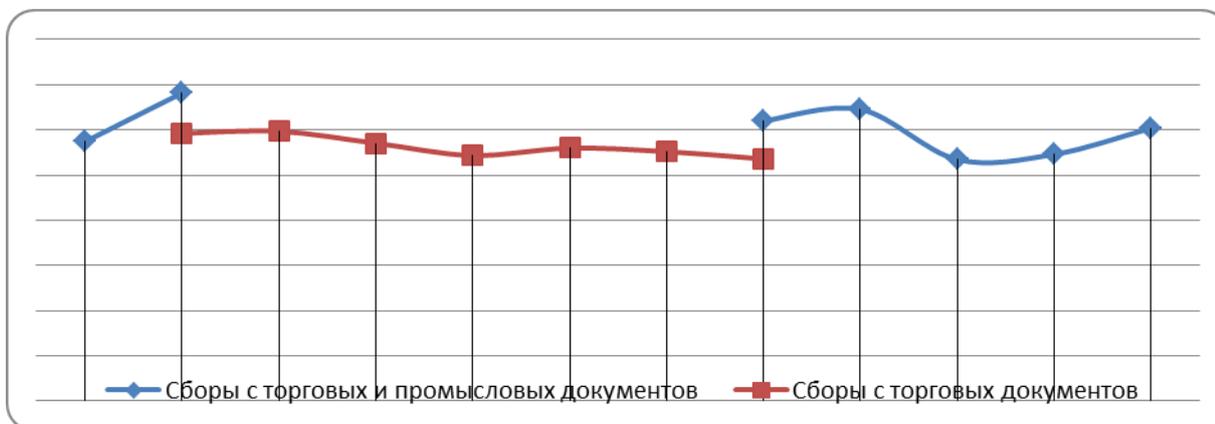

Рис. 3. Промысловый сбор Самаркандской области за 1899–1910 гг.

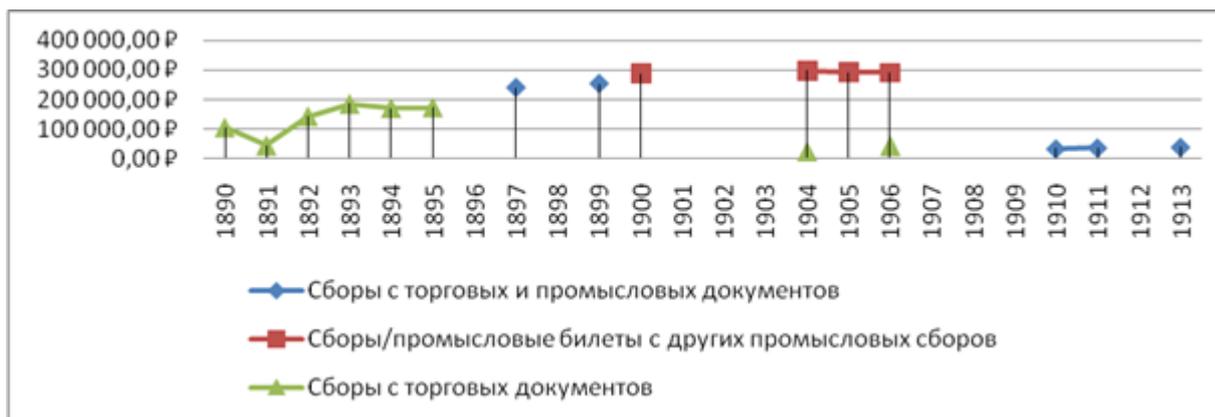

Рис. 4. Промысловый сбор Ферганской области за 1890–1913 гг.

Рис. 5. Промысловый сбор Уральской области за 1887–1915 гг.

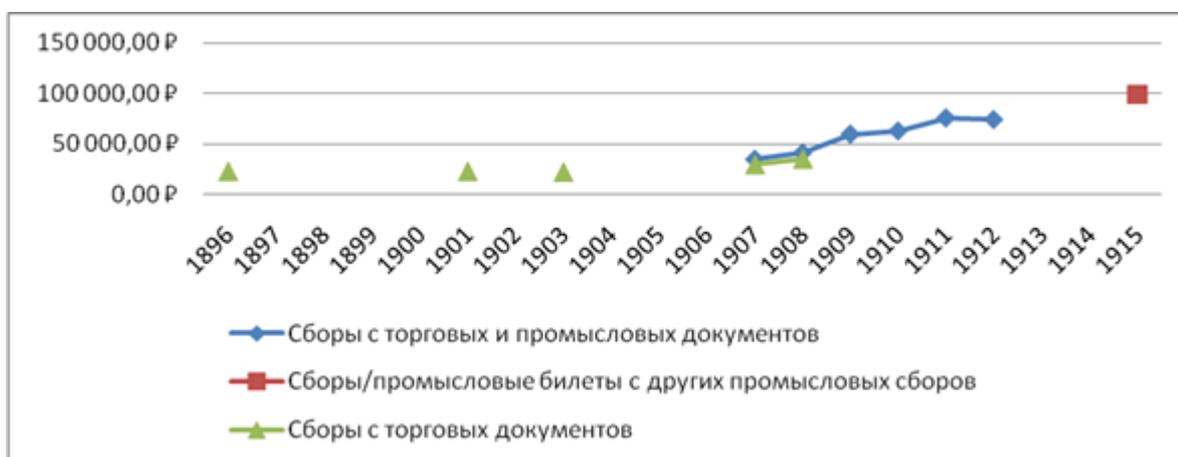

Рис. 6. Промысловый сбор Тургайской области за 1896–1915 гг.

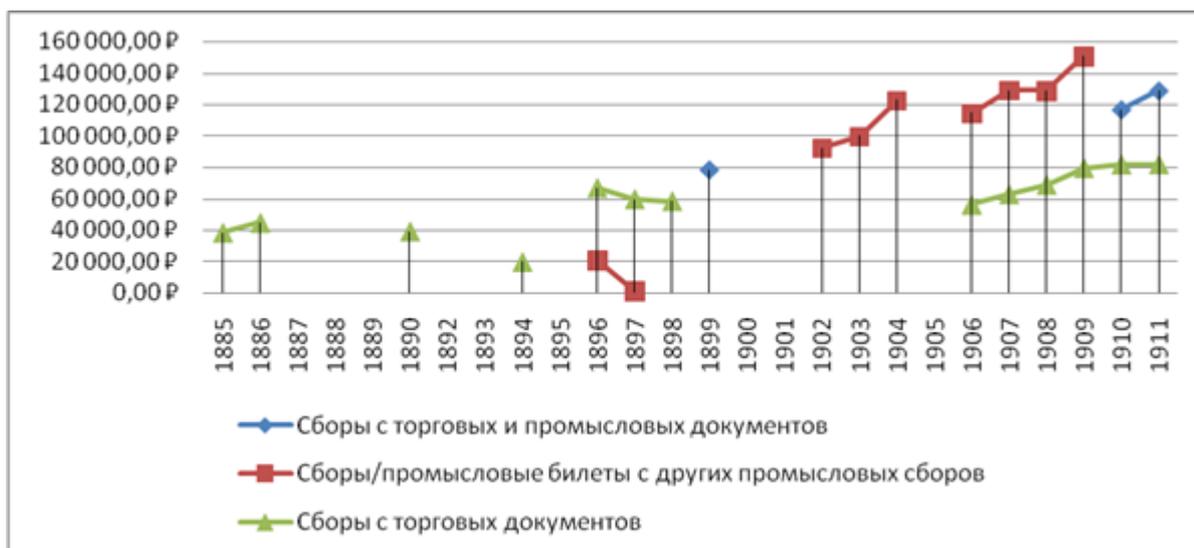

Рис. 7. Промысловый сбор Семипалатинской области за 1885–1911 гг.

Дореволюционная статистика, полученная из Обзоров областей Степного края и Туркестана и отраженная в Рис. 1–7, косвенно характеризует ситуацию с выплатой налогов в данном этнорегионе. Она подтверждает делопроизводственные документы, свидетельствующие о проблемах со сбором первичных сведений о налогоплательщиках податными инспекторами. Однако в Обзорах имеются

значительные отрезки времени с полным отсутствием данных по изучаемым показателям, что значительно затрудняет их анализ.

Характерной особенностью статистики второй половины XIX – начала XX вв. является практически полное отсутствие какой-либо системы унификации данных по промышленным сборам. Сведения собирались в различных, не сопоставимых друг с другом форматах. Так, например, данные об уплате промышленного налога могут быть представлены в рублях, в количестве патентов, количестве предприятий и производств. Иногда в Обзорах приведены проценты прироста сборов без каких-либо конкретных значений. Сведения о доходах от продажи торговых документов игнорируются в источнике еще чаще и заменяются количественными показателями торговых заведений, ярмарок, доходами от продажи товаров и т. п. Сведения о сборах с промышленных и торговых документов представлены иногда общей суммой, иногда по отдельности, и часто из года в год эти сведения неоднородны. Кроме того, в сводных таблицах сумма может быть обозначена как один вид сборов, но на практике включать в себя не только его.

5. Заключение

Подводя итоги, отметим, что на протяжении второй половины XIX в. государство стремилось к унификации налоговой системы центральноазиатских окраин России и приведению ее к общеимперским стандартам. Однако на практике реализация налоговой реформы приобрела специфические черты, что особенно ярко проявилось в ситуации, связанной с введением налога на предпринимательскую деятельность. В частности, с конца 1860-х до середины 1880-х гг. в Туркестане сочеталась российская модель сбора налога на промыслы и торговлю с традиционной закятной системой, действовавшей в регионе до его присоединения к Российской империи. В центральноазиатских окраинах также не были введены в действие Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором 1885 г., юридически определявшие дополнительный налог на прибыль торгово-промышленных предприятий. Ситуация объяснялась незавершенностью формирования региональных финансовых органов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, этноконфессиональной спецификой региона, его ориентацией на аграрную модернизацию, связанную с крестьянским переселением и исключавшую высокие темпы развития промышленного сектора экономики. Главные доходы в российскую казну поступали от продажи промышленных свидетельств на право ведения торговых операций. Однако и данные сборы являлись крайне незначительными, что было связано с преобладанием развозной (степной) и базарной торговли и фактической невозможностью ее учета податными инспекциями. Только в 1915 г. на территории центральноазиатских окраин были отменены все льготы в выплате промышленного сбора и в полном объеме введено в действие соответствующее законодательство.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности»).

Литература

- Белых, 2005 – Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2005. 432 с.
- Васильев, 2018 – Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 636 с.
- Вербина, 2010 – Вербина О.Л. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России во второй половине XIX в. // *История государства и права*. 2010. № 18. С. 25-28.
- Гагусенко, 2011 – Гагусенко И.В. Правовой статус органов промышленных сборов в России во второй половине XIX в. // *Сибирский юридический вестник*. 2011. С. 3-9.
- Гагусенко, 2014 – Гагусенко И.В. Правосубъектность лиц промышленного налогообложения по русскому законодательству второй половины XIX в. // *Сибирский юридический журнал*. 2014. С. 3-10.
- Иванова, 2004 – Иванова Е.В. Этапы эволюции налоговых органов России // *Вестник Омского университета*. 2004. С. 122-127.
- Кириллов, 2011 – Кириллов А.К. Налоговая система Степного края России: Сибирь или Средняя Азия? // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 3. Вып. 2. С. 71-75.
- Лысенко, 2019 – Лысенко Ю.А. Особенности формирования административно-финансовых институтов в Степном крае (60–90-е гг. XIX в.). // *Известия Алтайского государственного университета*. 2019. С. 34-40.
- Лыкова, 2006 – Лыкова Л.Н. Налоги и налогообложение в России. М., 2006. 384 с.
- Макеева, 2010 – Макеева И.А. Контрольно-налоговая деятельность в дореволюционной России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2010. С. 31-34.
- Правилова, 2006 – Правилова Е.А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Обзор Семипалатинской области, 1912 – Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск, 1912. 136 с.

Сибирские переселения..., 2010 – Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: Сборник документов. Новосибирск. 2010. Выпуск 3. С. 160-252.

Соловьева, 2015 – Соловьева И.А., Корепанов А.С. Податные инспекторы Вятской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Вятского государственного университета. 2015. С. 50-56.

Уманский, 2005 – Уманский Ф.С. Роль промыслового налога в формировании финансовой базы местных бюджетов в дореволюционной и советской России // Финансы и кредит. 2005. С. 66-73.

Lysenko, 2020 – Lysenko Yu.A. Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century) // Bylye Gody. 2020. Vol. 56. Is. 2. Pp. 709-720.

References

Belyh, 2005 – Belyh, V.S. (2005). Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossii. [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia]. Moscow, p. 432. [in Russian]

Gagusenko, 2011 – Gagusenko, I.V. (2011). Pravovoj status organov promyslovyh sborov v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [The legal status of the bodies of fishing fees in Russia in the second half of the XIX century]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, pp. 3-9. [in Russian]

Gagusenko, 2014 – Gagusenko, I.V. (2014). Pravosub"ektnost' licpromysloвого nalogooblozheniya po russkomu zakonodatel'stvo v vtoroj poloviny XIX v. [Legal personality of persons of commercial taxation according to the Russian legislation of the second half of the XIX century]. *Sibirskii yuridicheskii zhurnal*. Pp. 3-10. [in Russian]

Ivanova, 2004 – Ivanova, E.V. (2004). Etapy evolyucii nalogovyh organov Rossii [Stages of the evolution of the Russian tax authorities]. *Vestnik Omskogo universiteta*, pp. 122-127. [in Russian]

Kirillov, 2011 – Kirillov, A.K. (2011). Nalogovaya sistema Stepnogo kraja Rossii: Sibir' ili Srednyaya Aziya? [The tax system of the Steppe Region of Russia: Siberia or Central Asia?]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3(2): 71-75. [in Russian]

Lysenko, 2019 – Lysenko, Yu.A. (2019). Osobennosti formirovaniya administrativno-finansovyh institutov v Stepnom krae (60–90-e gg. XIX v.). [Features of the formation of administrative and financial institutions in the Steppe region (60–90 – ies of the XIX century)]. *Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta*, pp. 34-40. [in Russian]

Lysenko, 2020 – Lysenko, Yu.A. (2020). Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 56(2): 709-720.

Lykova, 2008 – Lykova, L.N. (2008). Nalogi i nalogooblozhenie v Rossii. [Taxes and taxation in Russia]. Moscow, p. 384. [in Russian]

Makeeva, 2010 – Makeeva, I.A. (2010). Kontrol'no-nalogovaya deyatel'nost' v dorevolyucionnoj Rossii. [Control and tax activities in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, pp. 31-34. [in Russian]

Pravilova, 2006 – Pravilova, E.A. (2006). Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na nac. okrainah, 1801–1917. [Finance of the Empire: money and power in Russian politics at the national level suburbs, 1801–1917]. Moscow, p. 453. [in Russian]

Обзор Семипалатинской области..., 1912 – Обзор Семипалатинской области за 1910 г. [Overview of the Semipalatinsk region for 1910]. Семипалатинск. [in Russian]

РГИА – Российский государственный исторический архив [Russian state historical archive].

Сибирские переселения..., 2010 – Сибирские переселения. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв.: Сборник документов. [Development of the Upper Irtysh region in the second half of the XVII – early XX centuries: A collection of documents]. Новосибирск, Nr. 3, pp. 160-252. [in Russian]

Solov'eva, Korepanov, 2015 – Solov'eva I.A., Korepanov A.S. (2015). Podatnye inspektory Vyatskoj gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Tax inspectors of the Vyatka province (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 50-56. [in Russian]

Uman'skij, 2005 – Uman'skij, F.S. (2005). Rol' promysloвого naloga v formirovanii finansovoj bazy mestnyh byudzhetrov v dorevolyucionnoj i sovetskoj Rossii [The role of the fishing tax in the formation of the financial base of local budgets in pre-revolutionary and Soviet Russia]. *Finansy i kredit*, pp. 66-73. [in Russian]

Verbina, 2010 – Verbina, O.L. (2010). Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia in the second half of the XIX century]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 18: 25-28. [in Russian]

Vasil'ev, 2018 – Vasil'ev, D.V. (2018). *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century]. Moscow, p. 636. [in Russian]

Формирование системы промысловых сборов с промышленности и торговли в центральноазиатских окраинах Российской империи

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c*}, Оксана Ивановна Чекрыжова ^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе законодательных и делопроизводственных источников реконструируется процесс формирования системы промысловых сборов с промышленности и торговли в центральноазиатских окраинах Российской империи – Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. Введение налогообложения на торгово-предпринимательскую деятельность в данном этнорегионе во второй половине XIX в. осуществлялось в русле политики унификации его финансово-налогового пространства и приведения к общероссийским стандартам. Однако на практике реализация налоговой реформы приобрела специфические особенности. В частности, с конца 60-х до середины 80-х гг. XIX в. в Туркестане сочеталась российская модель сбора налога на промыслы и торговлю с традиционной закятной системой, действовавшей в регионе до его присоединения к Российской империи. В центральноазиатских окраинах также не были введены в действие Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором 1885 г., юридически определявшие дополнительный налог на прибыль торгово-промышленных предприятий. Ситуация объяснялась незавершенностью формирования региональных финансовых органов в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, этноконфессиональной спецификой региона, его ориентацией на аграрную модернизацию, связанную с крестьянским переселением и исключавшую высокие темпы развития промышленного сектора экономики. Главные доходы в российский казну поступали от продажи промысловых свидетельств на право ведения торговых операций. Однако и данные сборы являлись крайне незначительными, что было связано с преобладанием развозной (степной) и базарной торговли и фактической невозможностью ее учета податными инспекциями.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестанский край, модернизация, промысловый сбор, торговля, промышленность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко), niigi@yandex.ru (О.И. Чекрыжова)